

ния ударения не подвергается никаким изменениям. В этом Камо Мабути опять видит превосходство японского языка над китайским.

В заключение своих сравнительно лингвистических суждений Камо Мабути обращается к метафорическому языку классика китайской философии Лао-цзы.

Лао-цзы утверждал, что из трех возрастов человеческой жизни — юности, зрелости и старости — наибольшей ценностью, наибольшим уважением должна пользоваться юность, поскольку «в младенце достигают наибольшей полноты нравственные качества, заложенные в нем»; далее следует старость и, наконец, зрелый возраст как источник всех зол. Используя эту философию, Камо Мабути указывает, что японский язык можно уподобить поре юности человеческой жизни, санскрит — поре старости, а китайский язык — периоду ее зрелости. Отсюда явно напрашиваются выводы, подсказываемые приведенной выше философией Лао-цзы.

4. Эту тенденцию к полному умалению других языков продолжает и ученик Камо Мабути — Мотоори Норинага (1730—1801). Он превзошел даже своего учителя как своим научным диапазоном, так и тем колоссальным влиянием, которое оказал на всю японскую филологию вплоть до наших дней.

В 1784 г. Мотоори публикует «Размышления о трех звучаниях (произношениях) китайских иероглифов» (Кандзи санъон ко 漢字三音考).

Основной тезис этой работы — японский язык является единственным языком во всем мире; другие языки, в частности китайский, не могут идти ни в какое сравнение с ним; все они — это голос животной птичье-звериной природы, голос дикарей, варваров.

Тезис этот о превосходстве японского языка развивается далее им в таком духе.

Японский язык имеет пятьдесят звуков, и это столько, сколько полагается иметь правильному, совершенному языку. Наоборот, большим недостатком было бы то, если бы японский язык имел их, этих звуков, или больше или меньше. Этими пятьюдесятью звуками выражено все, что есть совершенного, истинного в звуках человеческой речи; японский язык собрал только чистые, утонченные, истинные звуки природы. Он изгнал, отклонил все мутное, все неправильное, все смешанное, не элементарно естественное. Иностранные языки в этом отношении далеко уступают японскому. Звуки их в своем богатстве, изобилии стали «мутными», смешанными, поэтому-то слушаешь их и не знаешь, не то это «о», не то — «уа», и т. д. Исследуя состав таких звуков, все более убеждаешься, что это — нечленораздельные звуки, что это — звуки птичьего, животного языка; что в них нет и помину той простоты, членораздельности, которая свойственна японскому языку. Таково первое обстоятельство, разъясняющее превосходство японского языка над другими.

Эти языки, в частности китайский, по мнению того же Мотоори Норинаги, отличаются тем, что в них господствует закон: «один смысл — много знаков», т. е., выражаясь нашим языком, закон синонимии. Так, например, в китайском языке по крайней мере восемь слов выражают понятие «закон», «правило». Наряду с этим в других языках господствует и противоположный закон: «один знак — много значений», т. е., выражаясь опять-таки нашим языком, закон омонимии. Так, в китайском языке слово, выра-

женное иероглифом 辟, имеет, по крайней мере, три значения: закон, преступление, государь. Таким образом, омонимия и синонимия — вот что